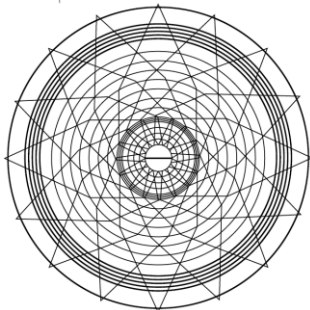

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

*Текстиль и тактильная эмпатия:
практики репрезентации травматического опыта*

ТЕКСТИЛЬ И ТАКТИЛЬНАЯ ЭМПАТИЯ: ПРАКТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Игнатенко Г. С.

аспирант программы «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
galina.s.igantenko@gmail.com

Аннотация:

В статье исследуется текстильное искусство, включая шитье, вышивку и текстильные аппликации, как средство выражения и проживания травматического опыта. Автор анализирует роль текстильного материала в формировании нарратива и проработке травмы как свидетеля, так и непосредственного участника события. В исследовании анализируются работы художников, использующих текстиль как медиум и способ коммуникации и выражения эмоций, а также приводятся примеры проектов, где текстиль используется для рассказа о политических конфликтах и миграции. В статье подчеркивается значимость и актуальность исследования текстильных практик в контексте травмы и уделяется особое внимание эмпатической природе текстиля.

Ключевые слова: текстильное искусство, вышивка, шитье, нарратив, травма, свидетель

Введение

Исторически текстиль не только являлся отражением эстетических канонов и практических задач, но и служил свидетельством исторических кризисов, социальных перемен, человеческих судеб и историй. Однако в истории искусств текстиль систематически игнорировался, и исследователи снисходительно относили его к сфере ремесленного искусства, оставив вне поля внимания его потенциал в контексте других дисциплин и междисциплинарных сопряжений. Современные исследования подтверждают, что текстиль может быть не только средством сохранения этнографической информации, но и активным генератором нарративов.

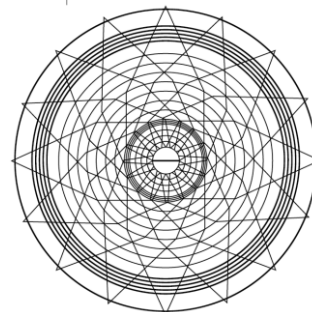
Текстиль как материал искусства является неотъемлемой частью культурной и исторической среды. Однако особую значимость и эмоциональную силу текстиль приобретает в контексте исследования травмы. Он становится как способом репрезентации травмы и обработки травматического переживания, так и важным инструментом на пути к преодолению этого опыта. В данной статье мы

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

Текстиль и тактильная эмпатия:

практики репрезентации травматического опыта

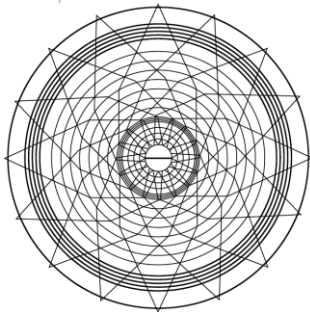
обратились к исследованию роли текстильного искусства в контексте эстетики травмы, исследуя его эмпатическую природу и ее потенциал. На данном этапе важно уточнить, что в этой работе внимание акцентируется именно на том, как текстильные практики, включая шитье, вышивку и текстильные аппликации, используются для выражения и проживания травматического опыта, преимущественно психологического. Мы анализируем роль текстильного материала в формировании нарратива и проработке травмы как свидетеля, так и непосредственного участника события. В исследовании анализируются работы художников, использующих текстиль как медиум и способ коммуникации, а также приводятся примеры проектов, в которых текстиль применяется для рассказа о тяжелых переживаниях.

Современные исследования все больше обнаруживают многослойность и глубину значений, присущих текстильному материалу и работе с ним. Текстильные практики и материалы могут быть исследованы с использованием самых разных теоретических подходов: как археологический или исторический источник, как средство изучения памяти или способ передачи информации. Среди российских исследователей важными для нас являются работы Н. Ю. Митрофановой (Митрофанова, 2019) и Н. Н. Цветковой (Цветкова, 2022), посвященные текстилю и его выразительному и пластическому потенциалу.

В данной статье мы хотим показать, что текстиль – как домашний, так и созданный фабрично – может служить средством выражения и репрезентации травматических переживаний. На наш взгляд, художник, создавая визуальные и тактильные нарративы через кропотливую работу с нитями, во многом переосмысливает травму и рефлексировать на тему прожитого опыта через свою работу. Цель данного исследования – проанализировать взаимосвязь между травмой и ее художественной репрезентацией в текстильных практиках. Тема травмы, ее осмысления и ее воздействия на человека подробно представлена в научном дискурсе с начала XX века. Однако, несмотря на актуальность этого дискурса, наблюдается нехватка работ, рассматривающих данную проблематику в контексте современного российского искусства, которое также находится в фокусе нашего внимания.

Изучение текстиля в контексте исследований травмы

Мы считаем, что изучение текстиля в контексте исследований травмы лежит в междисциплинарном поле и пересекается со множеством областей гуманитарных наук. В этой сфере исследований заметно влияние таких ученых, как профессор Кэти Карут, чьи работы по теме травмы и нарратива легли в основу нашего понимания того, как люди справляются с травматическими переживаниями. Также мы обращаемся к более поздним публикациям, опираясь на работы Марии Фокеевой, Санем Одабаши и других. В то же время исследования текстиля, включая работы Джоан Терни (Терни, 2017), Виты Хан-Магомедовой (Хан-Магомедова, 2019), Эммы Шерклиф (Shercliff, 2014) проливают свет на значимость текстиля как медиума для выражения сложных эмоций и травматичного опыта.

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

*Текстиль и тактильная эмпатия:
практики репрезентации травматического опыта*

Основываясь на методах визуального и текстового анализа, мы рассмотрели, как художники используют текстиль для артикуляции травматического опыта и как подобное взаимодействие становится способом его переосмысления. Объединение этих методов позволило нам не только анализировать, как текстиль позволяет выражать переживания с эстетической точки зрения, но и понимать процесс переосмысления этой травмы через текстовые аспекты произведений (сопровождающих работу текстов, включая описания, комментарии художников и интерпретации зрителей). Такой комплексный анализ помог нам глубже оценить влияние текстильного искусства на психологическую реабилитацию и создание новых нарративов в контексте травмы. В нашем исследовании мы просто опирались на работы художников, использующих текстиль как средство репрезентации тяжелого опыта, но также отметили широкий спектр контекстов, в которых текстиль применяется для переживания коллективной или личной травмы. Сюда входят домашние практики работы с иглой и нитями, коллективное создание текстильных коллажей, а также вышивки, которые создавались людьми, изолированными в специализированных медицинских учреждениях. Каждый из этих контекстов предлагает уникальный взгляд на то, как текстиль может служить инструментом переживания и обработки травмы. Мы также уделим особое внимание контексту создания этих работ и практикам зрительского восприятия, чтобы понять, как текстильное искусство взаимодействует с широкими социальными и культурными процессами, связанными с травмой и эмоциональным восстановлением.

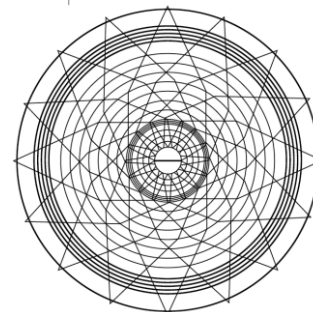
Первоначально мы предлагаем обратиться к предложенной американским культурологом Кэти Карут психологической трактовке понятия травмы, которая кажется нам наиболее релевантной для данного исследования, поскольку в ней особое внимание уделяется способам репрезентации травмы. В своей работе «Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History» (1996) Карут использует понятия голоса и нарратива, подчеркивая, что «голос» травмы может проявляться в художественных образах, снах или навязчивых идеях (Caruth, 1996). Исследовательница утверждает, что нарратив является важным инструментом обработки и понимания травматических переживаний. Травматический опыт часто формирует особое состояние, в котором переживания остаются в глубинах памяти, неосознанные и не интегрированные. Однако посредством нарратива эти сложные и трудно артикулируемые переживания могут быть преобразованы в более осознанную и структурированную форму. По мнению Карут, эстетические аспекты работы с травмой могут обладать терапевтическими свойствами и способствовать процессу исцеления. Ее исследования в области травмы и нарратива весьма продуктивны и стали тем теоретическим фундаментом, на который мы опирались в своих научных рефлексиях. К. А. Капельчук в своей работе «Травма: от повторения к репрезентации и обратно» указывает на то, что травма в данной трактовке не является единовременным событием, которое остается в прошлом. Оно «преследует» человека, сохраняется как некий отголосок на всем протяжении его жизни. И именно подобный характер травмы

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

Текстиль и тактильная эмпатия:

практики репрезентации травматического опыта

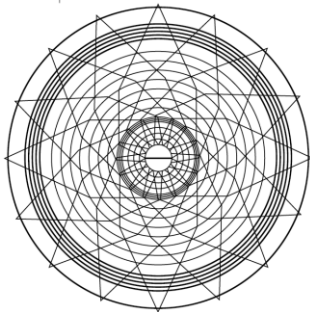
позволяет потом сформировать нарратив – повествование: «Несвоевременное распознавание травмы как травмы, само запаздывание события по отношению к самому себе и составляет существо парадоксальной~ фигуры «не локализуемого события», с помощью которого для Карут становится возможным описание травмы» (Капельчук, 2019).

Травматическое переживание может быть сложно артикулировать. Исследователи указывают на то, что человек может столкнуться с трудностями при описании связанного с ним события, его конкретизации. В своей работе «Языки лжи» Татьяна Вайзер также указывает на сложность не только фиксации травматического опыта, но и его артикуляции и анализа: «Травма состоит не просто в молчании, окружающем событие, – замечает исследовательница. – Скорее, это само событие заключается именно в онемении» (Вайзер, 2015). Это невозможность словесно выразить свои переживания и чувства. Однако именно через повествование о травме можно осознать ее и начать процесс исцеления душевных ран. Другими словами, процесс обнаружения травмы неразрывно связан с формированием нарратива: человек должен «выговориться», рассказать свою персональную историю. В контексте травмы нарратив играет важную роль и помогает людям зафиксировать факт травмы, осмыслить ее и интегрировать результаты анализа в свою жизненную историю. В своей работе «Скрытые возможности текстиля: как он обнаруживает и исцеляет травмы» Санем Одабаши (Sanem Odabasi), ссылаясь на исследователя травмы Рут Лейс (Ruth Leys), пишет, что «травматический опыт фиксируется или застывает во времени, он не уходит в прошлое: человек постоянно вновь и вновь переживает его в своем болезненном, диссоциированном и травматическом настоящем» (Одабаши, 2022).

Как уже говорилось, нарратив играет важную роль в исследовании травмы. От древних времен до сегодняшнего дня люди использовали различные формы коммуникации, такие как наскальные рисунки, песни и былины, чтобы передавать свои истории. Джонатан Готшалл (Gottschall, 2012) отмечает, что нарративная природа человека проявляется в его стремлении к обмену историями с другими.

На протяжении истории человечества текстильное искусство также служило средством формирования особого визуального нарратива, который, безусловно, нес в себе и информацию о травмирующих событиях: сражениях, войнах, болезнях. Истории, воплощенные в ткани, существуют с древних времен и являются важной частью различных культур по всему миру. Наряду с сюжетными полотнами народа Хмонг в Лаосе и гобеленами из Байе, вышитые личные истории на текстиле встречаются повсеместно.

Таким образом, текстильное искусство становится не только средством самовыражения, но и способом передачи нарративов. В контексте исследования травмы текстильный нарратив приобретает особое значение, позволяя индивидуальным и коллективным историям найти свое выражение и быть услышанными и понятыми. Вышивка как способ визуального повествования существует тысячелетия. Пропитанная визуальным и устным повествованием, вышивка — это отличная среда для создания историй, как визуальных, так и

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

*Текстиль и тактильная эмпатия:
практики репрезентации травматического опыта*

вербальных. В разные столетия вышивка служила личным дневником, способом передачи сообщения, помогала сохранить память или объединить сообщества (Adamson, 2018).

Независимо от того, какие методы используются в работе с тканями, они всегда рассказывают истории. Эти истории бывают двух типов: первые повествуют о конкретных событиях, произошедших в определенное время и в определенном пространстве, в определенном культурном контексте. Истории второго типа имеют универсальный смысл, даже если базируются на личном опыте. Исследователи Д. А. Аникин и О. В. Головашина указывают, что понятие «травма» также демонстрирует «универсальность и способность концептуально выразить суть явлений, которые территориально и хронологически удалены друг от друга» (Аникин и Головашина, 2017). Общие психологические, социальные и политические проблемы, которые они затрагивают, не имеют временной и географической специфики и апеллируют к универсальной человеческой природе (подробнее об этом см.: De Botton, 2014). Независимо от своей функции, текстиль запечатлевает в себе следы человеческой жизни, связывает воедино прошлое, настоящее и будущее. Ткань — один из источников, по которому можно читать историю человеческой цивилизации, поэтому ее допустимо рассматривать как одну из форм культуры и как ее временный носитель. Это доказывает первостепенную значимость текстиля и как материала, и как способа производства (Сен-Клер, 2020).

Еще одна особенность текстиля — это сенсорная модальность и тактильная эмпатия. Ощущения, возникающие при прикосновении к ткани, успокаивают и доставляют удовольствие; художественные произведения, созданные с использованием текстиля, также приносят большое удовлетворение (Homer, 2015). Текстильные произведения искусства, запечатлевающие личную или социальную травму, работают как напоминания и материальные свидетельства. Зачастую художники обращаются в своих работах к собственной жизни и памяти; они собирают одежду и фрагменты ткани и создают из них произведения. Например, Луиз Буржуа создавала инсталляции из своих старых нарядов, нижнего белья и вечерних костюмов. Взаимодействие с одеждой служило для художницы способом исследования собственного (зачастую травматичного) жизненного опыта; оно помогло ей яснее осознать свое прошлое и вспомнить, что она чувствовала, когда носила эти вещи. Швы в инсталляциях Буржуа напоминают о символическом акте реставрации, о попытке исправить ущерб, который нанесли ей отношения с другими (Bourgeois, 1992).

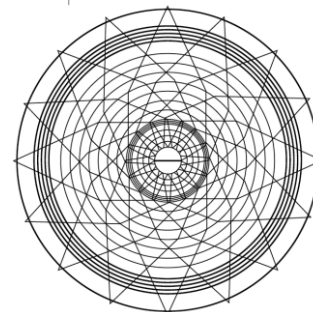
Надо сказать, что создание нарратива посредством таких инструментов, как ткань и игла, являлось традиционным способом времяпрепровождения женщины. Так, на протяжении долгого времени важную роль в жизни рукодельницы играли сэмплеры — своеобразные черновики вышивки, способ демонстрации и повышения своего умения. Сэмплер был своеобразным «лицом» женщины (Lunin, 1990), определял ее востребованность, презентабельность. Традиции создавать сэмплеры существовали в разных регионах. Английские сэмплеры в XVII веке

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

Текстиль и тактильная эмпатия:

практики репрезентации травматического опыта

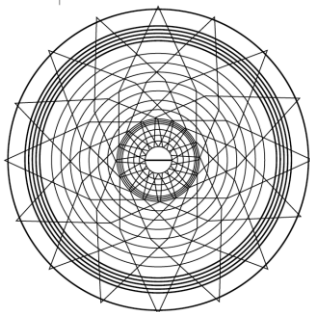
превратились из личных дневников вышивальщиц в практические образцы для девочек, обучающихся рукоделию (Tedeschi & Calhoun, 1995).

Сэмплеры, демонстрировавшие высокое мастерство вышивальщицы, могли быть изготовлены не только для личного пользования, но и в качестве подарка. Вышитое изделие могло выполнять роль письма или открытки, служить подарком к юбилею, на свадьбу, к рождению ребенка и пр. Существовало множество тематик таких вышивок: календарь, карта, алфавит и т. д.

Нам интересен один уникальный текстовый сэмплер с чрезвычайно эмоциональным повествованием, сделанный примерно в 1830 году подростком Элизабет Паркер, которая подрабатывала няней. Скрупулезно — буква за буквой — вышитый текст описывает то, что она считает своими слабостями и грехами. К тому же она фиксирует жестокое обращение с ней со стороны работодателей и даже свои тревожные суицидальные мысли. Не имея возможности поделиться с кем-то своими переживаниями, девушка нашла вот такой формат для их выражения. Сложно судить о том, насколько продуктивно это было с терапевтической точки зрения, однако доподлинно известно, что Паркер не выполнила задуманного и дожила до преклонного возраста.

Создание вышитого нарратива могло быть спасением не только для тех, кто сталкивался с невозможностью артикуляции своих переживаний, но и для тех, кто физически был изолирован от общества. Лорина Бульвер, британская рукодельница, жившая в конце XIX века, оставила интересный вышитый след в истории. Ее поместили в клинику в возрасте 55 лет, и там она создала несколько текстильных коллажей, которые теперь можно увидеть в музее Норвича. Вышивка представляет собой длинные экспрессивные сэмплеры, которые документируют ее гнев и негодование в тот период ее жизни. В вышивке она повествовала о том, что, являясь старшей дочерью в семье, она должна была стать главной наследницей, однако родственники-мужчины поместили ее в дом для душевнобольных, освободив себе дорогу к нажитому имуществу. Там же Бульвер рассказывает и о травматичном опыте медицинского освидетельствования. Экспрессивная вышивка стала ее способом рассказать свою историю, возможно, искажив или преувеличив факты, однако оставив яркое материальное свидетельство о своей жизни.

В середине 1890-х годов Агнес Рихтер, бывшая швея и пациентка австрийской психиатрической лечебницы, создала женский жакет из своей униформы, которую надо было носить в данном учреждении. Этот жакет был украшен внутри и снаружи историей ее собственной жизни. Вышитый почерк Агнес был настолько плотным, что большую часть текста трудно различить; слова исчезают в разных нитях и возникают из несвязанных фраз. Большая часть куртки покрыта вышитым текстом, однако некоторые части полностью стерлись, а значительная часть сохранившегося текста вышита неразборчиво. Тем не менее определенные фразы поддаются расшифровке. Они варьируются от простых фактов, таких как «мой пиджак» и «я в Хубертусбурге», до более глубоких и личных размышлений («я с головой погружаюсь в катастрофу» или «я хочу читать»). Другие обрывочные

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

*Текстиль и тактильная эмпатия:
практики репрезентации травматического опыта*

фрагменты текста наводят на размышления о том, что приходило в голову Рихтер во время ее институционализации и при изготовлении этой куртки: «мои белые чулки», «никаких вишен», «братская свобода». Этот текст превратил стерильную одежду в глубоко личное, эмоционально окрашенное повествование. Куртка является частью коллекции Принцхорна в Гейдельбергском университете, в которой хранится более 5000 работ, созданных пациентами психиатрических больниц в конце XIX и начале XX веков. Личная одежда сама по себе является уникальным хранителем истории и, как указывают исследователи, «становится уникальной благодаря телу, которое ее носит и формирует» (Stallybrass, 1999; Simpson, 2014). А в данном случае больничная униформа не только содержит информацию о присутствии человека в медицинском учреждении, но и дополняется уникальными смыслами, храня нарратив, который хотела увековечить ее хозяйка (Hornstein, 2009).

Создание вышитого текстильного текста может быть как индивидуальным занятием, так и важным способом коллективного времяпрепровождения. Как отметила исследователь Розика Паркер в книге «Революционный стежок», совместное шитье обеспечивало женщинам ощущение общности и солидарности на протяжении всей истории. По мнению Паркер, несмотря на то, что вышивка была важным способом формирования феминности, она же стала и инструментом сопротивления (Parker, 2012). Во многих культурах женщины, собираясь вместе, шьют и общаются, поддерживая друг друга. Игла — доступный инструмент для женщин, испытывающих гнев, который вызван дискриминацией и психологическими травмами.

В контексте исследования травмы, «игла и нить» обретают новое значение и значимость. Коллективное вышивание становится не только средством создания новых материальных объектов, но и возможностью для женщин общаться, делиться своими переживаниями и историями даже в самые трудные периоды жизни. Такие спонтанные творческие объединения представляют собой безопасное пространство, где женщины могут не только учиться друг у друга, но и обсуждать как повседневные бытовые и семейные вопросы, так и более глобальные проблемы, включая феминизм и политику (см. подробнее: Han, 2017). Через создание вышивок, лоскутных панно, одеял и других текстильных произведений они находят способ самовыражения и общения, открывая двери к важным дискуссиям и осознанию опыта травмы.

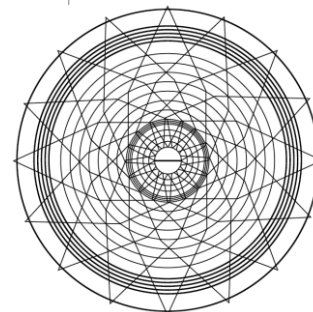
Некоторым людям, пережившим травмирующий опыт, сшитые ими вещи помогают преодолеть чувства стыда и страха. Позволим себе предположить, что это связано не только с тем, что подобная практика может создаваться в уединении и потому послание может остаться сугубо личным. Интересна и эмфатическая природа ткани, которая характеризуется особой эмоциональной выразительностью. Исследователь вышивки Эмма Шерклифф (Emma Shercliff) подчеркивает, что сама материальность ткани имеет сентиментальный резонанс, который не очевиден на бумаге (Shercliff, 2014). Некоторые истории легче рассказывать с помощью ремесла. Тактильная, даже успокаивающая природа

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

Текстиль и тактильная эмпатия:

практики репрезентации травматического опыта

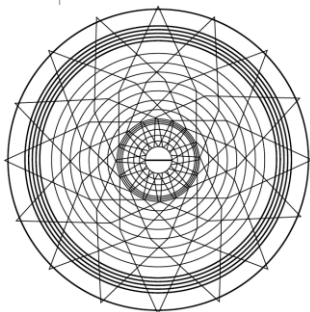

текстиля может вызывать воспоминания и вдохновлять людей делиться ими. А проникновение иглы в материал «делает послание более увековеченным» (Prain, 2014) и фиксирует факт тактильной эмпатии.

Художница Рэйчел Коэн разработала методику помощи женщинам, ставшим жертвами сексуального насилия, особенно во время вооруженных конфликтов. Она работала в Лаго-Агрио (Эквадор), где находится лагерь колумбийских иммигрантов, и при поддержке организации Common Threads устраивала групповую арт-терапию на основе работы с текстилем для женщин, получивших травмирующий опыт. Опираясь на принципы терапии психической травмы, на методы арт-терапии и на традиционные швейные техники и преимущества коллективного производства, Коэн предлагала участницам проекта рассказать о пережитом с помощью текстильных аппликаций. Женщины, ставшие жертвами режима, запечатлевали свои истории на ткани с помощью разных техник. Целью проекта было не лечение травм, а поддержка; организаторы рассматривали его как практику, высвобождающую воспоминания и помогающую выжившим дать выход эмоциям (Cohen, 2013). Диктаторские режимы стремятся оставить как можно меньше свидетельств своих преступлений, однако лоскутные одеяла или текстильные панно упрямо повествуют о пытках, похищениях и геноциде. Эти текстильные произведения преодолевают тишину, выступая в роли молчаливых рассказчиков.

Надо отметить, что подобный проект не является исключением и, вероятно, опирается на опыт проживания травмы через создание арпильера (исп. Arpilleras). Арпильеры представляют собой текстильные панели с аппликацией из лоскутов ткани, которые расположены на хлопковой основе или мешковине таким образом, чтобы создавать визуальные повествования (Halbwachs, 2020). Вышивая арпильеру, женщины могли размышлять и воссоздавать свои травмирующие переживания и воспоминания. «Мы здесь, чтобы изобличить случившееся с нами и вложить нашу боль в арпильеры, чтобы другие знали» (Prain, 2014, с. 84). Арпильеры демонстрируют визуальное преобразование воспоминаний в текстильные объекты с конвергенцией линий, форм, цветов, текстур, массы и композиции, выражающих содержание и смысл. Например, чилийские женщины создавали арпильеры для того, чтобы рассказать свои истории и выразить протест против нарушений прав человека в период режима Аугусто Пиночета (Gottschall, 2012; Гарса и др., 2022).

Следует заметить, что текстиль и вышивка как доступные и удобные материалы стали использоваться женщинами для осознания своего травматического опыта и рефлексивного осмысления естественным путем. Как мы видим, это было особенно важно для тех, кто находился в уязвимой позиции и не имел возможности иным способом рассказать свою историю в силу тех или иных обстоятельств. Подобная эмпатическая природа текстильного искусства и его способность быть голосом нерассказанных историй удивительным образом повлияла и на практики современного искусства. Художники, использующие текстиль и вышивку, выполняют роль посредников, передающих истории тех, кто

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

*Текстиль и тактильная эмпатия:
практики репрезентации травматического опыта*

может быть лишен возможности выразить себя. Современные художники, использующие язык вышивки, не только ведут собственное повествование, но и рассказывают истории тех, кто находится в уязвимом положении и не в состоянии самостоятельно поделиться своим опытом. Работа художницы Дорис Сальседо связана с травматичной историей Колумбии. Художница размышляет о колониализме, расизме, миграции, насилии и социальной несправедливости; она стремится донести до зрителей чувство коллективного горя и привлечь их внимание к травмирующим последствиям социальных конфликтов. В 2016 году, после разрыва мирного соглашения между правительством Колумбии и Революционными вооруженными силами Колумбии (FARC), крупнейшей повстанческой группировкой в Южной Америке, на площади Боливар в Боготе Сальседо создала инсталляцию под названием «Добавить тех, кого недостает» (*Sumando ausencias*). Она расстелила на земле 2350 фрагментов белой ткани, которые закрыли всю площадь; эта ткань символизировала саван смерти. На каждом фрагменте пеплом было написано имя жертвы войны. Чтобы ветер не унес эти имена, добровольцам и зрителям предложили вручную вышить их на ткани — и таким образом «добавить тех, кого недостает». Подобную работу можно интерпретировать как траурную церемонию, однако эта инсталляция предоставила людям возможности для коллективного действия, ведущего к миру, где каждый фрагмент ткани был покрыт стежками.

Не всегда человек, «рассказывающий» о своей травме, сам участвовал в событиях, которые он проживает, создавая текстильное или иное свидетельство об этом событии. Для понимания данного феномена необходимо обратиться к понятию «свидетель», которое очень значимо в исследовании травмы. В исследованиях травмы роль свидетеля является важным аспектом, поскольку фиксация негативного опыта служит ключевым фактором осознания и дальнейшего проживания травмы. Свидетельство играет важную роль в установлении самого факта травмы, в подтверждении того ущерба, который был нанесен, и эмоционального отклика. Свидетель — персонаж, который находится в центре события, не будучи вовлечен в него. Его основная задача — подтвердить факт и зафиксировать его как травматическое событие. Это характерно как для индивидуальной травмы, так и для коллективной. Исследователь Джудит Херман (Judith Herman), автор книги «Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence — from Domestic Abuse to Political» подчеркивает значимость свидетельств о насилии в исследованиях, посвященных травматическому переживанию. По ее мнению, именно свидетель позволяет увидеть и услышать множество драматических историй, не только открыть путь к пониманию произошедшего, но и помочь сформировать эмпатию как обратную связь (Herman, 1997).

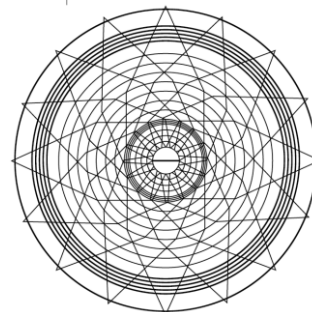
Исследователь Мария Фокеева пишет, что «нередко попытка выразить травматический опыт в качестве художественной формы становится единственно доступным способом выражения опыта исторического насилия. Художественная форма зачастую обращается к символическому языку, что дает возможность преодолеть «невыразимое травмы» (Фокеева, 2021, с. 19). Часто художник

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

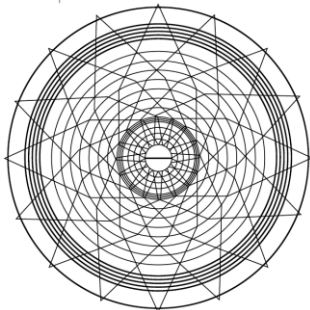
Текстиль и тактильная эмпатия:

практики репрезентации травматического опыта

становится своеобразным посредником между материалом и травмой, работая с живыми свидетелями и жертвами трагических событий. Художница Айа Хайдар (Aya Haydar), освещая тему политической миграции, создала несколько серий вышитых работ, в которых рассказала истории тех, кто был вынужден оставить свой дом в Сирии и просить временной защиты на территории Великобритании. В одной из серий художница выполняла вышивку на пластиковых пакетах. Во время трехмесячной программы резидентства, направленной на реинтеграцию сирийских беженцев в Великобритании, она собирала устные истории из первых рук, которые потом нашли отражения в ее работе. Подавляющее большинство беженцев покидали дом, имея при себе только одежду и пластиковый пакет с предметами первой необходимости. Именно пакет обычно используется вместо более практичного чемодана, потому что беженцы опасаются привлечь внимание правительственных войск, за которым последует жестокое наказание. В пакеты кладется все: от средств гигиены до сигарет, от иголки с ниткой до кофейника и необходимых лекарств. Художница интересно работает со «спасенными предметами», вышивая их на сумке каждого владельца. Данная серия работ не только наполнена историческими и персональными контекстами, но и репрезентирует посредством переработанного материала культурные особенности того или иного этноса. Повторное и нетипичное использование бытовых предметов для воссоздания повествований, для исследования памяти с акцентом на старые вещи, принадлежавшие представителям предыдущих поколений, одновременно является примером важного межкультурного диалога.

Доступным способом формирования нарратива в текстильном искусстве является добавление вышитого текста. Комбинируя визуальный и вербальный язык, изображение и письмо, художники создают глубокие и многослойные послания. Текст в текстильном искусстве может быть использован для изучения психосоциальной и культурной идентичности, в качестве комментариев по социальным и политическим вопросам, а также для демонстрации разнообразных традиций рукоделия. Мексиканская художница Моника Иттурибаррия (Mónica Iturrigarria) рассматривает нить и иглу как инструменты, которые позволяют ей рассказывать истории, связывая переживания и материальный объект. Вышивка выступает способом рефлексии и рассказа о событии. Вышитые художницей послания визуально напоминают вырезки газет и заставки новостных программ, которые повествуют о событиях, связанных с борьбой с незаконным оборотом наркотиков в Мексике. В этом проекте под названием «1/40000» фигурирует цифра, которая означает число погибших в результате войны с наркотрафиком. Художница вышивает изображения из газет и журналов не только для того, чтобы привлечь внимание к событиям, которые происходят в стране, но и с целью пережить и отразить собственную травму, связанную с ними. Стежки вышиты на носовом платке — предмете, используемом женщинами для вытирания слез. На символическое содержание творчества Моника Иттурибаррия повлияла личная трагедия. Проект начался как личная инициатива, связанная со смертью брата художницы, Федерико. Боль женщин ее семьи и ее знания о

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

*Текстиль и тактильная эмпатия:
практики репрезентации травматического опыта*

текстиле привели ее к осуществлению этой инициативы в 2008 году. Проект вышел под названием «Вышивание во имя мира», воплотив коллективные чаяния о мире и прекращении насилия.

Все чаще текстиль появляется и в поле актуального российского искусства. Проект «Немолоко» (2021), созданный российской художницей Анной Самойловой, представляет собой откровенное исследование опыта деторождения, в котором текстильные объекты и вышивки используются для визуального изображения ментальной и физической травмы, а также той радости и боли, которые связаны с беременностью и родами. Этот проект создан как визуальный дневник, сотканный из личных заметок, которые повествуют о травматичном опыте рождения первенца. Центральным элементом выставки становится большое текстильное «одеяло», тщательно собранное из отдельных тканевых фрагментов. Они формируют текстильный нарратив, в котором зафиксированы месяцы тревог и переживаний художницы. Физиологический дискомфорт, страхи и сомнения будущей матери объединены в «одеяло» как символ того места, под которым они были прожиты. Метафора объединения различных женских опытов в единое целое также передается красными нитями, которые преобладают в творчестве Анны и символизируют одновременно силу и болезненную уязвимость женщины в процессе беременности и родов. В серии автопортретов, включающих в себя текстильные «Венеры», художница исследует процесс изменения собственного тела и ментального состояния, дарование жизни и потерю личной свободы. Рассказывая о своих переживаниях, художница показывает внутреннюю и внешнюю борьбу, происходящую во время беременности. Кроме рассказа о личной истории, «Немолоко» призывает к дестигматизации открытого обсуждения опыта беременности и родов, которые традиционно принято описывать исключительно в позитивном контексте или же формировать вокруг этого процесса нарратив таинственности. Однако вышитые Самойловой уничижительные, грубые фразы, которые до сих пор можно услышать в родильном зале, очень знакомы многим и даже спустя время вспоминаются как крайне травматичные, омрачившие день появления ребенка на свет. В комментариях к работам художницы в социальных сетях и в книге отзывов посетительницы делились своим опытом и благодарили художницу за создание пространства, в котором женщина обрела возможность быть услышанной без страха осуждения.

Заключение

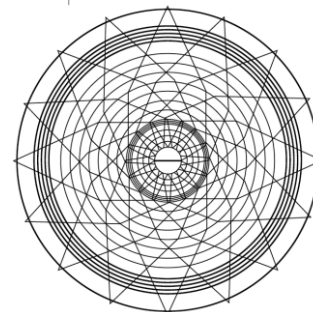
В рамках данного исследования мы обратили особое внимание на роль шитья, вышивки и текстиля в контексте проживания и выражения травматического опыта. Мы увидели, что процесс работы с текстилем, включая вышивку и создание коллажей, предоставляет уникальные возможности для самовыражения, рефлексии и проработки пережитой травмы. Текстиль является не только материалом для создания искусства, но и мощным средством коммуникации, и, конечно, материалом, хранящим историческую память. Он

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

Текстиль и тактильная эмпатия:

практики репрезентации травматического опыта

связывает нас с нашими прошлыми и настоящими, а также открывает пути для будущих исследований, творчества и арт-терапии. Работая с текстильным полотном, художники создают визуальные свидетельства травмирующего опыта и своих переживаний, способные хранить рукотворные и случайные следы событий.

Акт создания текстильных произведений становится попыткой воспроизвести то, что по своей природе сложно поддается вербализации. В этой связи важно отметить, что текстильным материалом и вышивкой для проживания травмы пользуются далеко не только художники. Домашние практики, коллективные творческие объединения и терапевтические группы, использующие текстильные техники, обладают высоким потенциалом для проживания тяжелого опыта, позволяют оформить его в виде нарратива, преодолевая онемение и придавая переживаниям визуальное выражение.

Хотелось бы подчеркнуть значимость текстиля для изучения и понимания травмы. Эмфатическая природа текстиля выявляет уникальные возможности его использования как в терапевтических практиках, так и в широком репрезентативном поле современного искусства.

Наше исследование также подчеркивает важность инклюзивности в применении и исследовании текстильного искусства в контексте травмы. Оно позволяет услышать тех, кого общество игнорирует: женщин, детей, иммигрантов, аборигенов и представителей других групп, испытывающих сложности с артикуляцией своих историй, которые могут остаться нерассказанными.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аникин, Д. А., Головашина, О. В. (2017). Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования. Вестник Томского государственного университета, (425), 78–84.

Вайзер, Т. В. (2015). Языки пепла, языки лжи (рецензия на книгу К. Карут *Literature in the Ashes of History*). Новое литературное обозрение, 131(1).

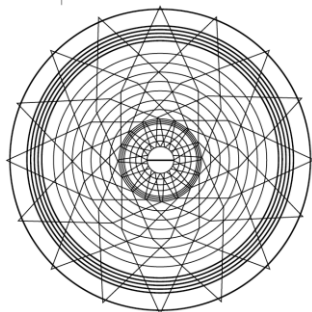
Гарса, А., Эрнандес-Эспиноса, К., Розар Р. (2022). Вышивка как перевод на язык активизма в Латинской Америке. Теория моды: одежда, тело, культура, 3(65), 9–26.

Капельчук, К. А. (2018). Травма: от повторения к репрезентации и обратно. *Studia Culturae*, (38), 42–51.

Митрофанова, Н. Ю. (2019). Современное текстильное искусство в поисках новых форм, смыслов и средств выразительности. Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой, (1), 176–190.

Одабаши, С. (2022). Скрытые возможности текстиля: как он обнаруживает и исцеляет травмы? Теория моды: одежда, тело, культура, 3(65), 96–106.

Сен-Клер, К. (2020). Золотая нить. Как ткань изменила историю. Бомбора.

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

*Текстиль и тактильная эмпатия:
практики репрезентации травматического опыта*

Терни, Дж. (2017). Культура вязания. НЛО.

Фокеева, М. (2019). Тема травмы в эстетике второй половины XX века: опыт В. Г. Зебальда

Хан-Магомедова, В. (2019). Терпение художника-паука. Текстильное искусство сегодня.

Цветкова, Н. (2011). Искусство текстиля XXI века: направления развития. Общество. Среда. Развитие (Terra Humana), (4), 168–173.

Adamson, G. (2018). Fewer, Better Things: The Hidden Wisdom of Objects. Bloomsbury Publishing.

Barrett, A. A. (2008). A Stitch in Time: New Embroidery, Old Fabric, Changing Values. In Textile Society of America Symposium Proceedings.

Bourgeois, L. (1992). Self-Expression Is Sacred and Fatal: Statements. In C. Meyer-Thoss (Ed.), Louise Bourgeois: Designing for Free Fall. Ammann Verlag.

Bryan-Wilson, J. (2010). Art Workers: Radical Practice in the Vietnam War Era. University of California Press.

Bryan-Wilson, J. (2017). Fray: Art and Textile Politics. University of Chicago Press.

Caruth, K. (1996) Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History. Johns Hopkins University Press.

Cohen, R. A. (2013). Common Threads: A Recovery Programme for Survivors of Gender Based Violence. Intervention: Journal of Mental Health and Psychosocial Support in Conflict Affected Areas, 11(2), 157–168.

De Botton, A. (2014). The News: A User's Manual. Penguin.

Gottschall, J. (2012). The Storytelling Animal: How Stories Make Us Human. Houghton Mifflin Harcourt.

Halbwachs, M. (2020). On Collective Memory. University of Chicago Press.

Han, B.-C. (2017). Saving Beauty. Polity Press.

Herman, J. (1997). Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence—from Domestic Abuse to Political Terror. Basic Books.

Homer, E. S. (2015). Piece Work: Fabric Collage as a Neurodevelopmental Approach to Trauma Treatment. Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association, 32(1), 20–26.

Hornstein, G. (2009). Agnes's Jacket: A Psychologist's Search for the Meanings of Madness. Rodale Press, Incorporated. pp. x, 583–7.

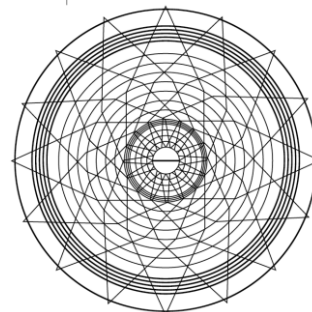
Kouhia, A. M. (2016). Unraveling the meanings of textile hobby crafts. University of Helsinki.

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

Текстиль и тактильная эмпатия:

практики репрезентации травматического опыта

Lunin, L. F. (1990). The Descriptive Challenges of Fiber Art. *Library Trends*, 38(4), 697–716.

Parker, R. (2019). *The Subversive Stitch: Embroidery and the Making of the Feminine*. Bloomsbury Visual Arts.

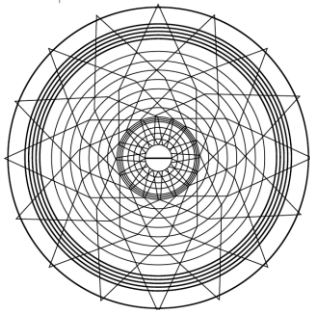
Prain, L. (2014). *Strange Material: Storytelling Through Textiles*. Arsenal Pulp Press.

Shercliff, E. (2014). *Articulating Stitch: Skilful hand-stitching as personal, social and cultural experience*. The Royal College of Art.

Simpson, J. M. (2014). Materials for Mourning: Bereavement Literature and the Afterlife of Clothes. *Critical Studies in Fashion & Beauty*, 5(2), 253–270.

Stallybrass, P. (1999). Worn Worlds: Clothes, Mourning and the Life of Things. In D. Ben-Amos and L. Weissberg (Eds.), *Cultural Memory and the Construction of Identity*. Wayne State University Press.

Tedeschi, R. G., & Calhoun, L. G. (1995). *Trauma and Transformation*. Sage Publications.

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

*Текстиль и тактильная эмпатия:
практики репрезентации травматического опыта*

TEXTILES AND TACTILE EMPATHY: PRACTICES OF REPRESENTING TRAUMATIC EXPERIENCES

Ignatenko G. S.

Student of Doctoral Programme «Fine and Decorative
Arts and Architecture» at the HSE University
(Moscow, Russia)

galina.s.ignatenko@gmail.com

Abstract:

The article explores textile art, including sewing, embroidery, and textile applications, as a means of expressing and processing traumatic experience. The author examines the role of textile material in shaping the narrative and working through trauma, both as a witness and as a direct participant in the event. The study analyses the works of artists who use textile as a medium and a method of communication and emotional expression and provides examples of projects where textiles are used to narrate about political conflicts and migration. The article emphasizes the importance and relevance of researching textile practices in the context of trauma and draws attention to the empathetic nature of this material.

Keywords: textile art, embroidery, sewing, narrative, trauma, witness

REFERENCES

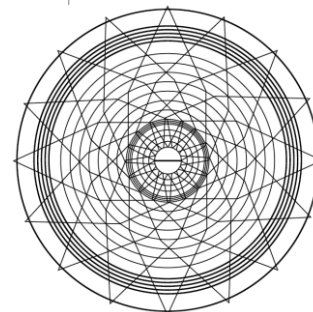
- Adamson, G. (2018). Fewer, Better Things: The Hidden Wisdom of Objects. Bloomsbury Publishing.
- Anikin, D. A., Golovashina, O. V. (2017). Travmy kul'turnoj pamyati: konceptual'nyj analiz i metodologicheskie osnovaniya issledovaniya. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, (425), 78–84.
- Barrett, A. A. (2008). A Stitch in Time: New Embroidery, Old Fabric, Changing Values. In Textile Society of America Symposium Proceedings.
- Bourgeois, L. (1992). Self-Expression Is Sacred and Fatal: Statements. In C. Meyer-Thoss (Ed.), Louise Bourgeois: Designing for Free Fall. Ammann Verlag.
- Bryan-Wilson, J. (2010). Art Workers: Radical Practice in the Vietnam War Era. University of California Press.
- Bryan-Wilson, J. (2017). Fray: Art and Textile Politics. University of Chicago Press.
- Caruth, K. (1996) Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History. Johns Hopkins University Press.

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

Текстиль и тактильная эмпатия:

практики репрезентации травматического опыта

Cohen, R. A. (2013). Common Threads: A Recovery Programme for Survivors of Gender Based Violence. *Intervention: Journal of Mental Health and Psychosocial Support in Conflict Affected Areas*, 11(2), 157–168.

Cvetkova, N. (2011). *Iskusstvo tekstilya XXI veka: napravleniya razvitiya*. Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana), (4), 168–173.

De Botton, A. (2014). *The News: A User's Manual*. Penguin.

Fokeeva, M. (2019). Tema travmy v estetike vtoroj poloviny HKH veka: opyt V. G. Zebal'da

Garsa, A., Ernandes-Espinosa, K., Rozar R. (2022). Vyshivka kak perevod na yazyk aktivizma v Latinskoj Amerike. *Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura*, 3(65), 9–26.

Gottschall, J. (2012). *The Storytelling Animal: How Stories Make Us Human*. Houghton Mifflin Harcourt.

Halbwachs, M. (2020). *On Collective Memory*. University of Chicago Press.

Han-Magomedova, V. (2019). Terpenie hudozhnika-pauka. *Tekstil'noe iskusstvo segodnya*.

Han, B.-C. (2017). *Saving Beauty*. Polity Press.

Herman, J. (1997). *Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence—from Domestic Abuse to Political Terror*. Basic Books.

Homer, E. S. (2015). Piece Work: Fabric Collage as a Neurodevelopmental Approach to Trauma Treatment. *Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association*, 32(1), 20–26.

Hornstein, G. (2009). *Agnes's Jacket: A Psychologist's Search for the Meanings of Madness*. Rodale Press, Incorporated. pp. x, 583–7.

Kapel'chuk, K. A. (2018). Travma: ot povtoreniya k reprezentacii i obratno. *Studia Culturae*, (38), 42–51.

Kouhia, A. M. (2016). *Unraveling the meanings of textile hobby crafts*. University of Helsinki.

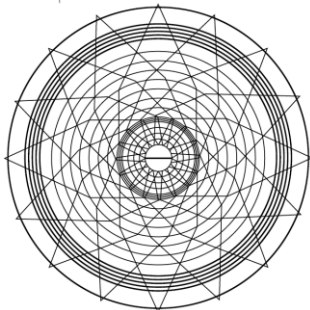
Lunin, L. F. (1990). The Descriptive Challenges of Fiber Art. *Library Trends*, 38(4), 697–716.

Mitrofanova, N. YU. (2019). Sovremennoe tekstil'noe iskusstvo v poiskah novyh form, smyslov i sredstv vyrazitel'nosti. *Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. YA. Vaganovoj*, (1), 176–190.

Odabashi, S. (2022). Skrytye vozmozhnosti tekstilya: kak on obnaruzhivaet i iscelyaet travmy? *Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura*, 3(65), 96–106.

Parker, R. (2019). *The Subversive Stitch: Embroidery and the Making of the Feminine*. Bloomsbury Visual Arts.

Prain, L. (2014). *Strange Material: Storytelling Through Textiles*. Arsenal Pulp Press.

[Научные статьи]

Игнатенко Г. С.

*Текстиль и тактильная эмпатия:
практики репрезентации травматического опыта*

Sen-Kler, K. (2020). Zolotaya nit'. Kak tkan' izmenila istoriyu. Bombora.

Shercliff, E. (2014). Articulating Stitch: Skilful hand-stitching as personal, social and cultural experience. The Royal College of Art.

Simpson, J. M. (2014). Materials for Mourning: Bereavement Literature and the Afterlife of Clothes. Critical Studies in Fashion & Beauty, 5(2), 253–270.

Stallybrass, P. (1999). Worn Worlds: Clothes, Mourning and the Life of Things. In D. Ben-Amos and L. Weissberg (Eds.), Cultural Memory and the Construction of Identity. Wayne State University Press.

Tedeschi, R. G., & Calhoun, L. G. (1995). Trauma and Transformation. Sage Publications.

Terni, Dzh. (2017). Kul'tura vyazaniya. NLO.

Vajzer, T. V. (2015). YAzyki pepla, yazyki Izhi (recenziya na knigu K. Karut Literature in the Ashes of History). Novoe literaturnoe obozrenie, 131(1).